

УКАЗ ВЕЧНОГО СОЛНЦА

18+

ECHO VALLEY

ARRIVALS
DEPARTURES

АВТОР
ДАРЬЯ МАЛЬЦЕВА

18+

нужно вырваться,
пока город не поглотил её разум навсегда

Дарья Мальцева
Указ вечного солнца

«Автор»

2026

Мальцева Д.

Указ вечного солнца / Д. Мальцева — «Автор», 2026

Студентка Лиза засыпает в ночной электричке и оказывается в изолированном городке, которого нет ни на одной карте. Здесь полностью отсутствует связь, а современные вещи вызывают у местных жителей панический страх. Очень скоро девушка понимает, что попала в ловушку коллективного безумия. Благообразные горожане слепо поклоняются Мэру и с блаженными улыбками выполняют его самые абсурдные и жестокие приказы. В этом месте даже полицейские передвигаются исключительно спиной вперед, оберегая свой покой от хаоса внешнего мира. Отказываясь подчиняться безумным законам, Лиза решает бежать. Ночная вылазка в секретный архив открывает ей жуткую правду о прошлом этого места. Теперь девушке предстоит найти способ разрушить культ и вырваться из капкана застывшего времени, пока город не поглотил её разум навсегда.

© Мальцева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дарья Мальцева

Указ вечного солнца

Глава 1

Шёл промозглый октябрьский дождь, превращая гранитные плиты вокзала в тусклые зеркала, в которых дрожали и расплывались неоновые вывески аптек и круглосуточных магазинов. Холодные капли медленно стекали по шероховатому камню, собирались в тонкие ручейки и, петляя между подошвами прохожих, исчезали в решётках ливневой канализации. Изредка налетал сырой ветер, разгоняя по платформе влажную газетную бумагу, окурки и пожелтевшие листья, которые на мгновение прилипали к мокрому граниту, а затем снова срывались с места.

Лиза стояла у самого края жёлтой ограничительной линии, машинально переступая с ноги на ногу, чтобы хоть немного согреться. Лямки тяжёлого рюкзака болезненно врезались в плечи, казалось, за последние несколько дней он стал тяжелее вдвое. Внутри лежал ноутбук, зарядное устройство, бутылка воды и несколько толстых пачек распечатанных лекций по политологии и праву. Бумага уже начала коробиться от сырости, а страницы с её торопливыми пометками превратились в серо-синие лабиринты подчёркиваний, стрелок и вопросов на полях. Всё это она собиралась повторить в электричке, но прекрасно понимала, что уже не сможет запомнить ни строчки.

Каждый вдох давался с трудом. Воздух был тяжёлым, насыщенным запахом мокрого асфальта, сырого бетона и далёкого дыма, тянувшегося от промышленных кварталов. Где-то неподалёку пахло свежей выпечкой из вокзального кафе, но этот запах только усиливал ощущение усталости и пустоты в желудке. С утра Лиза успела выпить лишь большой стакан крепкого кофе, надеясь, что он поможет пережить очередной длинный день. Вместо бодрости кофе оставил неприятную дрожь в руках и тупую тяжесть под рёбрами, будто организм окончательно отказался делать вид, что ему хватает сна и отдыха.

Беспроводные наушники разрядились ещё час назад. Телефон давно сообщил об этом коротким звуковым сигналом, но Лиза всё равно не вынимала их из ушей. Без музыки они почти не защищали от окружающего шума, однако создавали хотя бы иллюзию того, что она находится отдельно от этой бесконечной человеческой массы. Вокруг непрерывно двигались люди. Кто-то торопился к электричке, кто-то тащил за собой чемодан на дребезжащих колёсиках, кто-то раздражённо говорил по телефону. Над платформой то и дело разносились металлические объявления диспетчера, перебиваемые визгом тормозов прибывающих поездов и глухим перестуком каблучков по мокрому камню. Все эти звуки сливались в один непрерывный, утомительный гул, от которого хотелось закрыть глаза и просто перестать существовать хотя бы на несколько минут.

Она достала телефон. Экран вспыхнул тусклым светом, показывая три процента заряда. Почти сразу одно за другим появились три уведомления от старосты группы: «Сдать сегодня», «Загрузить до 18:00», «Никаких отсрочек». Даже читать их не было смысла — содержание она и без того знала почти наизусть. Ниже светились два пропущенных вызова от мамы. Без сообщений. Просто два звонка, за которыми угадывались привычное беспокойство и молчаливый вопрос: «Ну как ты?».

Лиза медленно погасила экран и крепче сжала телефон в ладони. Ей вдруг стало мучительно тесно среди этой толпы. Сотни людей проходили совсем рядом, случайно задевали её плечом, обходили, не замечая, исчезали в дверях поездов. У каждого была своя цель, свои планы, свои заботы. Только она сама словно двигалась по инерции, давно перестав понимать, зачем вообще продолжает куда-то спешить.

Ей совсем не хотелось ехать завтра в университет. Не хотелось снова сидеть в душной аудитории, делать вид, что внимательно слушает преподавателя, отвечать на вопросы, к которым так и не успела подготовиться. Не хотелось открывать ноутбук, видеть десятки непрочитанных сообщений и бесконечные списки дел. Казалось, если сейчас поезд просто не придёт, ничего страшного не случится. Мир спокойно проживёт без неё ещё один день.

Хотелось только одного — исчезнуть. Найти место, где никто не станет спрашивать про курсовую, зачёты, планы на будущее, работу, оценки и бесконечные «надо». Место, где можно будет наконец перестать торопиться и просто побыть в тишине.

Лиза натянула поглубже глубокий капюшон своей необъятной чёрной толстовки, скрывая лицо в плотной тени, и нервно поправила рваные джинсы. Их края уже давно пропитались насквозь — тяжёлые, тёмные от влаги нити свисали с потрёпанной ткани, неприятно липнув к щиколоткам. Она переступила с ноги на ногу, и массивная подошва грубых кроссовок тяжело вдавилась во влажный гранит, оставляя после себя чёткий, тёмный грязно-серый отпечаток. Осенний холод беспрепятственно пробирался под одежду, неприятно лип к разгорячённой коже и заставлял ёжиться при каждом порыве ветра. Вокруг непрерывно бурлила толпа: спешащие люди, зонты, гул голосов. Но этот мир казался странно далёким, словно транслировался сквозь толстое, звуконепроницаемое стекло.

Из непроглядной темноты тоннеля донёсся тяжёлый скрежет металла. Он звучал совсем не так, как привычный гул современных электричек, — медленно, глухо, будто по рельсам двигалось что-то очень старое. Через несколько секунд к полупустой платформе выплыл поезд.

Он резко выделялся на фоне стремительных серебристых экспрессов. Угловатые вагоны были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, потускневший от времени. Над массивным лобовым стеклом вместо электронного табло висела простая деревянная табличка. Краска на ней почти облезла, и надпись невозможно было разобрать даже с нескольких метров.

Состав остановился. Двери распахнулись с громким, натужным выдохом пневматики, словно состав после долгого пути наконец позволил себе перевести дыхание.

Лиза почти не смотрела по сторонам. Повинуясь непонятному внутреннему порыву, она шагнула внутрь вагона и сразу остановилась.

Внутри царил густой полумрак. Под низким потолком тускло горели редкие лампы, разливая по деревянной обшивке тёплый янтарный свет. Из-за этого стены казались ещё старше, а тени — длиннее и глубже.

Воздух пах совсем не так, как в обычно. Здесь не чувствовалось ни пластика, ни дешёвого парфюма, ни резкого запаха моющих средств. Вместо них стоял сухой аромат дерева, луговых трав и старой пыли, будто вагон много лет простоял запёртым на заброшенной станции.

Пассажиров почти не было. Лишь в самом конце вагона, там, где свет окончательно растворялся в темноте, неподвижно сидели двое. Из-за полумрака невозможно было различить ни лиц, ни одежды. Они казались не людьми, а тёмными силуэтами, вырезанными из самой тьмы.

На мгновение Лизе почудилось, что они вовсе не дышат.

Она невольно задержала дыхание. В вагоне стояла такая тишина, что отчётливо слышалось негромкое гудение электродвигателей где-то под полом. Осторожно, стараясь не шуметь, девушка сделала шаг назад, ближе к дверям.

В ту же секунду поезд вздрогнул. За окнами медленно поплыли серые здания вокзала. Поезд тронулся.

Пробуждение оказалось резким, будто кто-то сильно толкнул Лизу в грудь.

Поезд остановился с протяжным металлическим визгом тормозов. Девушка вздрогнула и едва не соскользнула с сиденья. В висках тупо пульсировала боль, во рту пересохло. Несколько секунд она не могла понять, сколько времени проспала и где вообще находится.

Лиза быстро огляделась. Вагон был пуст.

Два неподвижных силуэта, которые она заметила перед отправлением, исчезли. Будто их никогда и не существовало.

Вокруг стояла гнетущая тишина. Лишь где-то под полом негромко потрескивал остывающий металл.

Лиза машинально бросила взгляд на наручные часы. Механические стрелки под стеклом замерли ровно на двенадцати, будто кто-то остановил сам ход времени.

За окном происходило нечто ещё более странное. Вместо привычных огней ночного города там стояла сплошная стена густого серого тумана. Он был совершенно неподвижен и так плотно прижимался к окнам, словно пытался просочиться внутрь вагона. Но сильнее всего пугало другое. Сквозь эту серую пелену пробивался яркий золотистый солнечный свет — тёплый, спокойный, почти летний. Такой бывает ранним утром, когда день только начинается. По всем расчётам Лизы сейчас должна была стоять глубокая ночь. Несовпадение было настолько очевидным, что она почувствовала, как по спине медленно пробежал холодок. Мир за окном переставал подчиняться привычной логике.

Двери вагона снова распахнулись с тем же тяжёлым, протяжным шипением. Вместе с этим звуком внутрь медленно вползли первые клубы тумана. Почти сразу над головой ожил старый динамик. Сквозь треск помех раздался хриплый механический голос, похожий на запись, десятилетиями пролежавшую на затёртой магнитной плёнке.

— Поезд прибыл на конечную станцию...

Дальше последовало название города. Вернее, должно было последовать.

Вместо слов динамик захлебнулся густым белым шумом. Казалось, кто-то намеренно стёр название из записи, оставив лишь сухой треск помех. Через несколько секунд наступила тишина.

Лиза осталась одна перед распахнутыми дверями, за которыми скрывалось неизвестное. Она медленно закинула рюкзак на плечи. Ладони стали влажными, сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался где-то в горле. Сделав глубокий вдох, Лиза осторожно шагнула на платформу.

Воздух оказался странным. Он одновременно обжигал прохладой и согревал лицо мягким солнечным теплом. Эти ощущения не спорили друг с другом, а существовали одновременно, словно здесь действовали какие-то другие законы природы. От этого несоответствия тревога стала ещё сильнее.

Перед ней тянулся идеально чистый деревянный перрон. Широкие светлые доски выглядели так, будто их только что вымыли и покрыли свежим лаком. Нигде не валялось ни окурка, ни смятого билета, ни случайной бумажки.

Лиза сделала несколько осторожных шагов. Туман начал медленно расступаться.

Сначала проступили крыши домов, затем белые стены, затем узкие мощёные улочки. Город словно проявлялся из молочного марева, как старая фотография в химическом растворе.

Перед ней раскинулся небольшой, удивительно уютный городок. Аккуратные двухэтажные дома с белыми фасадами и черепичными крышами стояли ровными рядами. Перед каждым зеленел ухоженный палисадник, пестрели цветочные клумбы, а узкие улочки были вымощены ровной серой брусчаткой.

На первый взгляд всё выглядело почти идеально. Именно это и пугало.

В городе не чувствовалось жизни. Не было слышно ни гула машин, ни далёкого шума трассы, ни лая собак, ни птичьих голосов. Не гудели трансформаторы, не шелестели кондиционеры, не дребезжали вывески. На домах отсутствовали рекламные щиты, световые табло, спутниковые тарелки и даже электрические провода.

Город был безупречен. И совершенно безмолвен.

На обочине дороги, прямо у деревянного перрона, стоял начищенный до зеркального блеска старый автомобиль. Он был очень похож на советскую «Волгу» ГАЗ-21 цвета слоновой кости, но его просторный салон оставался пуст.

Лиза сняла севшие наушники, которые почему-то по-прежнему оставались в ее ушах, и судорожно, жадно вдохнула, словно пытаясь наверстать упущенное. Окружающая атмосфера поразила её первозданной чистотой. Этот благодатный оазис был наполнен исключительно умиротворяющими ароматами: аппетитными нотками только что вынутого из печи ржаного хлеба, пряным духом недавно скошенной луговой травы и нежным благоуханием распустившихся садовых цветов, не оставляя ни малейшего следа от привычного городского удушья, выхлопных газов и едкой гари.

Девушка сделала первый неуверенный шаг по безупречно гладкой брусчатке мостовой. В этой мёртвой, застывшей тишине резкий, шаркающий скрип подошвы её массивных кроссовок прозвучал подобно громкому выстрелу. Она испуганно замерла, и в ту же секунду из-за угла ближайшего дома, где находилась строгая вывеска городской управы, показалась человеческая фигура в темном костюме старого покроя. Незнакомец начал медленно и как-то неестественно плавно поворачивать свою голову в сторону Лизы, словно механическая кукла.

Глава 2

Человек, вышедший из-за угла городской управы, двигался удивительно плавно, без малейшего намека на присущую современным городским жителям спешку. На нем был застегнутый на все пуговицы строгий серый костюм-тройка, сшитый из плотной, грубой шерсти. Такая плотная ткань выглядела удушающе жаркой и совершенно неуместной в настолько солнечную погоду. Из его нагрудного кармана спускалась тонкая серебряная цепочка карманных часов, тускло поблескивавшая при каждом его шаге. Мужчина аккуратным, размеренным жестом поправил фетровую шляпу и замер ровно в трех шагах от Лизы. На его гладком лице застыла вежливая, подчеркнута приветливая улыбка. Однако его глаза, абсолютно спокойные и словно подернутые странной сонной дымкой, оставались совершенно неподвижными, лишенными какого-либо живого блеска. Он окинул Лизу долгим, изучающим взглядом, на несколько секунд задерживаясь на ее безразмерной черной кофте и глубоких прорезях на коленях потрепанных джинсов. В этот момент безупречная улыбка мужчины на мгновение дрогнула. Она внезапно сменилась выражением глубокого, искреннего замешательства, будто прямо перед ним, на этой идеальной брусчатке, появилось диковинное существо из какого-то другого, совершенно чужого и пугающего измерения.

- Здравствуйте, барышня, - негромко произнес он, слегка приподнимая шляпу за края. Говор у него был странный, растянутый, без привычных Лизе резких московских интонаций. - Вы, должно быть, сильно заблудились. На каком карнавале вы порвали свои панталоны? И что это за странный балахон? Из какого вы уезда?

Лиза судорожно сглотнула, медленно пятясь назад к безупречно чистому деревянному перрону. Паника ледяными пальцами крепко сжимала ее горло, не позволяя сделать нормальный вдох. Дрожащей рукой она полезла в глубокий карман кофты и выудила оттуда совершенно мертвый, холодный брусок, инстинктивно и бесполезно пытаясь ткнуть пальцем в темный экран.

— Мне нужен вокзал. Где здесь кассы? Мой телефон сел, мне нужно зарядить его и вызвать такси. Пожалуйста, подскажите, какая это область? — голос Лизы сорвался на высокой, звенящей ноте. Она умоляюще протянула смартфон вперед, искренне надеясь, что этот странный мужчина хотя бы укажет ей направление к ближайшей розетке.

Взгляд незнакомца упал на темный прямоугольник. Он так резко отшатнулся назад, словно его наотмашь ударило электрическим током. Вся доброжелательная, манекенная мимика вмиг сошла с его побледневшего лица, уступив место подлинному животному ужасу и глубочайшему отвращению. Его дыхание сразу стало прерывистым, судорожным, а сонные глаза расширились от паники. Мужчина уставился на выключенный смартфон с таким видом, будто в руках у Лизы извивалась живая черная гадюка.

— Что это за бесовская табличка? Спрячьте это немедленно! В нашем городе запрещены подобные зеркала греха! Мэр не одобряет черное стекло! — истошно закричал он, испуганно оглядываясь по сторонам, словно призывая эти безмолвные чистые улицы в свидетели какого-то чудовищного преступления.

Лиза непонимающе нахмурилась.

— Это просто выключенный экран.

— Для тебя — экран. Для нас — зеркало греха.

В эту же секунду из тяжелых дубовых дверей городской управы, оглушительно громыхая подкованными сапогами по брусчатке, выбежали двое мужчин. Они были одеты в абсолютно одинаковую темно-синюю форму старого образца с начищенными медными пуговицами и высокими фуражками. У них не было при себе ни привычных раций, ни бронежилетов, ни

кобур с пистолетами. Единственным их оружием были тяжелые деревянные дубинки, мерно покачивавшиеся на кожаных ремешках у пояса.

Лицо одного из них, мужчины постарше, с пышными, аккуратно подстриженными седыми усами, выражало суровое, непоколебимое спокойствие бывалого служаки. Он решительно и размашисто зашагал прямо к растерянной Лизе, на ходу доставая из глубокого кармана кителя толстый кожаный мешок.

— Гражданка, нарушаете общественный покой и порядок Мэра, — твердо, но без крика, глухим басом произнес усатый полицейский. — Ваш наряд оскорбляет взоры порядочных горожан. А этот предмет изъят до выяснения обстоятельств.

Лиза не успела даже вскрикнуть, как крепкие, мозолистые пальцы усатого полицейского со стальной, безжалостной хваткой мертвым грузом сжались на ее тонком запястье. В ту же секунду второй патрульный ловким, натренированным движением вырвал бесполезный смартфон из ее мгновенно онемевших пальцев. Стекланный брусок тут же исчез в темных недрах плотного кожаного мешка. Молодой полицейский быстро затянул горловину тугим узлом и ловко запечатал его куском дымящейся сургучной печати прямо на глазах у совершенно ошеломленной девушки.

— Верните! Это мой телефон! Там вся моя жизнь, карты, деньги! — отчаянно закричала Лиза, из последних сил пытаясь вырваться, но хватка на ее руке оставалась железной и непреклонной.

— Мэр разберется, что это за жизнь у вас в мешке, — спокойно и даже как-то буднично ответил усатый страж порядка. — Пройдете в управу. Вам нужно переодеться в приличную одежду, пока Мэр не вышел на свою полуденную прогулку. Нам не нужны лишние огорчения для его глаз.

Полицейские безжалостно повели ее по безупречно гладкой брусчатке мостовой прямо к массивным дубовым дверям городской управы. От шума борьбы и криков из окон соседних аккуратных домиков начали медленно выглядывать местные жители. Это были бледные женщины в скромных длинных платьях винтажного кроя и мужчины в идеально отутюженных светлых рубашках. Все они смотрели на отчаянно бьющуюся в истерике Лизу с глубоким, искренним состраданием и тихой жалостью. На их лицах не было злобы или осуждения. Провожая девушку взглядами, они лишь едва заметно качали головами и тихо шептали себе под нос одинаковые, словно заученные слова.

— Бедное дитя, Мэр обязательно ее вылечит, Мэр наставит на ум. Эти тихие, сливающиеся в единый гул голоса доносились со всех сторон, превращаясь в жутковатый шепот, который заставил Лизу похолодеть от ужаса.

Тяжелые дубовые двери управы захлопнулись за спиной Лизы с глухим, тяжелым стуком, который мгновенно отсекал все звуки внешнего мира. Внутри просторного вестибюля пахло сургучом, старыми архивными бумагами и едкой мастикой для натирания пола. Строгий интерьер здания сильно напоминал одновременно советское министерство середины прошлого века и дореволюционную казенную контору. Здесь были очень высокие потолки с потемневшей лепниной, бесконечные коридоры, застеленные потертыми ковровыми дорожками блекло-красного цвета, и бесконечные ряды одинаковых дверей из темного лакированного дерева. Конвоировавшие её полицейские вели девушку аккуратно, но ее тонкое запястье все еще продолжали намертво сжимать пальцы усатого патрульного. Её привели в просторный кабинет, где за массивным письменным столом сидел пожилой мужчина в круглых очках в тонкой металлической оправе и старомодных черных нарукавниках. На зеленом сукне стола лежали ровные стопки документов, аккуратно перевязанные бечевкой, стояла глубокая чернильница с перьевой ручкой, а в углу громоздко высился массивный чугунный сейф. Полицейский молча положил кожаный мешок со смартфоном Лизы на стол прямо перед чиновником и коротко, казенным

языком доложил, что задержанная гражданка шумно нарушала покой на привокзальной площади, использовала запрещенное черное зеркало и была одета в непотребный рваный наряд.

Чиновник даже не вздрогнул от этого рапорта. Он медленно перевел свой отрешенный взгляд на Лизу, затем пристально посмотрел на опечатанный мешок, взял с деревянной подставки тяжелый фигурный ключ и лично запер изъятый гаджет в сейф, трижды повернув замок с громким металлическим щелканьем. На все отчаянные, сорвавшиеся на плач крики Лизы о том, что эти действия незаконны и ей необходимо срочно позвонить родителям, мужчины никак не отвечали. Они лишь изредка переглядывались между собой с выражением глубокой, почти отеческой жалости, словно общались с тяжелобольной.

Чиновник неторопливо поднялся, открыл один из встроенных шкафов и достал оттуда плотное закрытое платье из грубой серой шерстяной ткани с длинными рукавами и глухим воротником. Следом он выставил на пол пару простых кожаных туфель без каблука и молча указал Лизе на полотняную ширму в углу кабинета, сухо добавив, что в прежнем диком виде предстать перед Мэром совершенно невозможно. Лиза в этот миг отчетливо поняла, что спорить и сопротивляться сейчас бесполезно. Её сильно колотило от подступившего страха и пронизывающего холода в намокшей под недавним дождем одежде, поэтому она послушно зашла за ширму и дрожащими руками стянула с себя любимую огромную кофту и промокшие рваные джинсы. Новое серое платье оказалось непривычно тяжелым и колючим, оно неприятно раздражало кожу и сильно пахло сушеной лавандой. Простые туфли оказались заметно меньше ее реального размера и больно сжали пальцы ног. Когда уставшая девушка наконец вышла из-за ширмы, полицейские одобрительно кивнули своими высокими фуражками, а чиновник сделал размашистую запись в толстой учетной книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.